

Предисловие

Я родилась в 1961 году.

Я родилась в 1961 году, потому что меня не убили до 1945 года.

Потому что мои родители — тогда еще дети — оказались в числе тех, кого удалось спасти, заслонить, отстоять ценой тысяч и тысяч жизней. Тех, кого не задавила чудовищная туша Второй мировой войны.

И это может сказать о себе любой из нас: и те, чьи рассказы вошли в этот сборник, и те, кто сейчас держит его в руках. Все мы — те, кого отстояли, и дети тех, кого защитили.

Об этом сейчас нередко забывают.

Об этом нельзя забывать.

Нельзя забывать о тех, кто уходил на фронт, зная, что наше дело правое, что враг будет разбит — потому что дело защиты Родины правое, а не разбить врага — это значит дать ему уничтожить не только настоящее, но и будущее. Нельзя забывать о тех, кто взял на себя тяжкий и страшный труд войны — и отстоял будущее. Отстоял наше право быть.

Великая Отечественная осталась в прошлом — а прошлое с каждым годом уходит от нас все дальше. А чем дальше прошлое — тем больше простор для измышлений и спекуляций. Для заблуждений и подтасовок. А зачастую для прямой лжи. И — как ни странно это звучит — для лжи при помощи правды.

Ведь были, действительно были и штрафбаты, и заградотряды, и лагеря. Как легко сказать, что только они и были. Не было подвига, не было сил и жизней, отданных ради победы... ну вот ну просто ну вот ну не было ничего, кроме штрафных рот и заградотрядов, — НИЧЕГО! Только мерзость и грязь. И те, кто сражался, — сражались не иначе как потому, что их эти заградотряды в спину подталкивали и деваться было некуда. Сплошная страна заградотрядов и рабов...

Но могут ли рабы побеждать?

А где же те люди, которые отдавали свои жизни, потому что умели отделять свою Родину и тех, кто в ней живет, от кровавой накипи на ней? Любить — даже вопреки?

Всех ли можно заставить сражаться из-под палки?

Были и лагеря, и штрафбаты, и заградотряды. И были люди, совершившие подвиг — вопреки всему этому.

Люди, защитившие будущее.

Как легко сказать такую привычную, такую успокоительную житейскую мудрость: «Ну, ведь в любом конфликте всегда все-таки виноваты обе стороны» — и тем самым уравнивать захватчиков с защитниками, убитых с убийцами. Но те, кто пришли с оружием в руках, чтобы убивать и захватывать, не равны тем, кто встал с оружием в руках, чтобы защитить.

Дело защитника — правое.

Казалось бы — что можно противопоставить документальным свидетельствам?

Как легко, как ужасающе легко оказалось заставить эти свидетельства говорить так, как хочется слушателю, — отменяя одно и сосредотачиваясь на другом!

И потому книга, которую вы держите в руках, — не документальная.

Это не сборник рассказов о Второй мировой, о 1812 годе. О Грюнвальде, Косовом поле, Куликовом поле, Реконкисте, Фермопилах...

Так о чем же эти повести и рассказы?

О том, что долг перед Родиной может оказаться и тяжек, и страшен, и неоднозначен.

О том, что он никому не позволит отсидеться в стороне.

О том, как гибнут, заслонив собой других.

О том, как любят — и идут сражаться за тех, кого любят.

О том, как остаются людьми даже в страшные минуты.

О том, как побеждают — зачастую ценой своей жизни.

О том, что защитить и спасти — это правое дело.

И потому — это все-таки книга рассказов о минувших войнах. Несмотря на то что написана она в жанрах фантастики и фэнтези. Несмотря на то что даже упоминаются земные войны не во всех произведениях.

Может быть, это книга отражений? Отражений минувших подвигов и трагедий в мирах фантастических, а то и почти сказочных — и в мирах, так похожих на наш. Это эхо раздается в разных мирах. В мирах, которые не были убиты — потому что еще до рождения на земле не были убиты мы, создавшие эти миры.

Эхо звучит в разных мирах — и они откликаются и звенят. Они тоже хотят рассказать о том, что видели.

Они заговорили благодаря литературному конкурсу «Наше дело правое». Он был учрежден для того, чтобы они могли заговорить — и рассказать о доблести тех, кто защитил и защищает Родину, людей, жизнь...

Прежде всего этот сборник предназначен тем, для кого бы-

лые подвиги — дела, давно минувшие, тем, кто знает о них со слов бойкого телеведущего или из ненароком просмотренного, якобы основанного на реальных событиях фильма, где защитники такие же сволочи, как и агрессоры, а то и еще хуже.

Мы хотим рассказать вам о тех, кто с оружием в руках бесстрашно смотрел смерти в лицо. О наших дедушках и бабушках, о дальних предках, чьи имена забыты, но осталась спасенная ими жизнь. О тех, кто выстоял и победил. Не для себя и не ради себя.

Мы хотим сказать вам, да и себе тоже — нам нечего стыдиться своего прошлого! Мы можем гордиться им! У нас есть на это право!

А еще мы обязаны помнить правду и не прощать ложь. Споря о Ричарде Третьем и «Войне и мире», я не раз нарывалась в ответ на доводы о гениальности Шекспира и Толстого. Дескать, кому сейчас важно, кем был этот король и каковы были герои 1812 года. Главное — гениальность классиков и глубокая философия...

А вот и нет!!!

Ложь, особенно заведомая, конъюнктурная, есть и будет злом, кто бы ее ни произнес. И злом вдвойне будет ложь талантливая. Чем шире размах крыльев лживого гения, чем выше его полет, тем гуще тень, отбрасываемая им, и тем больше площадь этой самой тени. В такой тени трудно, подчас невозможно дышать, ибо подлостью и злом дышать невозможно, а брехней — противно. Вот она нас со всех сторон теперь и обволакивает. Как у речки Ипр, и мы дышим, а некоторые еще и с удовольствием и теоретически-художественным обоснованием.

А ведь это уже не якобы горбатый чужеземный король и не то, что было 200 лет назад, это по нашим дедам, а кое у кого и по отцам топчутся, поливают помоями, врут, подличают.

Интересно, говорите? Талантливо? Ну так на себя такой талант примерьте! Неважно, что ты не украл, не убил, не напился до свинского состояния, главное, тебя в таком виде изобразили. Талантливо.

Нравится?

Повесишь свой портрет в луже на стенку? согласишься, что ты вор, убийца, дегенерат? Позволишь смаковать свой несуществующий позор — или все-таки набьешь талантливому художнику и его спонсорам морды?

Ах, набьешь? Ну тогда не аплодируй лжи и не прощай ее!

Кто-то сказал, что логика и знание истории не спасут. Можно сто тысяч раз опровергать лезущую в уши и глаза брехню, но телевизор свое возьмет. Особенно когда уйдут те, кто помнит, а ведь это время близится. Скоро некому будет встать и сказать: «Неправда это! Я тогда жил, воевал и снова жил. Не так все бы-

ло!» Никто уже не скажет: «Слушайте, я расскажу вам...» Некому будет служить документальным подтверждением истины, некому будет живым словом сражаться против чудовищной лжи. Некому... некому... некому...

И тогда мы останемся одни.

Наедине с серым мифом.

Наедине с теми, кто передергивает и искажает факты в угоду той или иной конъюнктуре. Кто вольно или невольно кормит нас отравой. И не всегда эти люди бездарны. Но если шулер талантливо передергивает карты, а повар замечательно готовит бледные поганки под соусом — тем больше оснований дать им отпор.

Что мы можем этому противопоставить? Только свое слово. Только единение тех, кто думает иначе и не считает возможным отмолчаться.

Можно и нужно показывать во всей сомнительной красе «разоблачителей», создателей и культиваторов «серого мифа», объяснять, что и сколько они имеют с охаивания «этой страны», потому что Родины у этой публики нет и быть не может.

Еще больше нужна правда. Правда архивных документов, фронтовых писем, воспоминаний, серьезных, объективных исторических исследований, и они, к счастью, имеются, но этого недостаточно.

Мы собрались здесь — такие разные — ради этой правды, ради того, чтобы Победа по-прежнему оставалась Победой, ради того, чтобы она по-прежнему была за нами.

Потому что удержать Победу зачастую трудней, чем победить, — любой полководец знает это. Потому что фашизм под видом политкорректности тонкой стружкой дыма медленно просачивается в культуру, заставляя сомневаться: а так ли все было? А правильно ли, что все это было именно так? А была ли Победа — Победой? А такое ли правое — Наше Дело? А есть ли разница между той и другой стороной? А если нет — правильную ли сторону мы все выбрали?

Вот поэтому мы и пришли сюда — писатели, издатели и все, кто создавал этот сборник. Вот поэтому мы и зовем вас — читателей. Зовем к себе. Потому что рано покидать окопы. Потому что призрачные вражеские танки, урча моторами псевдонаучных теорий и темнея свастикой клеветнических измышлений, опять штурмуют рубежи нашей памяти. И, кроме нас с вами, остановить их просто некому.

Какое старое, почти забытое слово — доблесть...

Нельзя его забывать.

Так о чем все-таки эта книга?

Открывает ее раздел «Заслон», названный по одноименному рассказу. Наверное, этот рассказ несколько озадачит читателей

фэнтези, привычных к тому, что хорошие эльфы сражаются против плохих орков или троллей. Или — наоборот. В этом рассказе нет рас, плохих или хороших от природы, — и по ту и по другую сторону есть и эльфы, и тролли. Важно не то, кем ты родился, — а то, какой выбор ты сделал. И если твой выбор — встать в заслон, чтобы враг не прошел, это и есть самое главное. Потому что враг не должен пройти.

Враг не должен пройти — это помнят и герои рассказа «*Kun-рей*». Что они могут сделать — ведь против них целая армия, а их так мало, да и кто они? Вчерашние мальчишки, пришедшие в заброшенную крепость отбыть скучную повинность и развлекающиеся, разыгрывая друг друга. Неумно, подчас жестоко. Их никто не берет в расчет, а они могут — встать заслоном. Отвоевать еще день... еще час... еще минуту... ту самую минуту, которой может не хватить, чтобы враг не прошел. И перед значимостью этой минуты меркнет все, что недавно казалось столь важным...

Открывая рассказ «*Рубеж*», мы попадаем в такую мирную, такую уютную жизнь, что мудрено поверить, что герои этого рассказа и в самом деле герои... но битвы бывают разными, а герои не обязательно облечены в сияющие доспехи. Они тоже стоят в заслоне, и цена победы неизменна — жизнь, отданная, чтобы не пропустить смерть. И еще они сохраняют в себе способность понять и поверить. Они простодушны и доверчивы, значит — глупы и бессильны перед умным и настойчивым злом? Только текет века, а зло так и не может пройти.

«*Ала танцует*». Танцует и в легенде, и в жизни — такой обычной, привычной, мирной... утраченной жизни. Утраченной — потому что в эту жизнь вошла война. И Ала танцует — потому что враг не должен пройти... Кто знает, каким был ее танец? Остались легенды, каждая из них в чем-то правдива, и каждая из них приукрашивает прошлое, превращая подвиг в изысканное чудо. Или, наоборот, принижает?

«*Уходя, оглянись...*» Оглянись на то, что оставляешь навсегда, — потому что ты уходишь, чтобы оно осталось, чтобы оно было, чтобы собой, своей жизнью заслонить все это от смерти. Оглянись — потому что ты совершил невозможное. Оглянись — потому что ты бросил себя под колеса войны — и заставил ее остановиться...

Ради жизни. Ради того, чтобы живые — были. Чтобы они могли жить, смеяться, любить...

Второй раздел сборника — о любви.

Открывает его одноименный рассказ «*Обличия любви*». Они могут быть очень разными, эти обличия. И чтобы понять иные из них, нужно мужество... А собственно говоря — возможна ли вообще любовь, лишенная мужества, лишенная отваги? Если любишь, если твоего мужества довольно, чтобы узнать Любовь в любом облике, она даст тебе силу выстоять и победить там, где

победить одному невозможно. Любовь — это не только то, за что сражаются. Она может сражаться и сама...

«Пока мы под сердцем любовь эту носим...» — мы не согласимся с подлостью и не сдадимся даже тогда, когда сдались все остальные. Именно она развеивает лживый морок соглашательства. Именно она называет предательство предательством. Пока мы под сердцем любовь эту носим, все ставя на карту, мы знаем, за что мы сражаемся, — и она не даст отступить, согнуться, предать.

И не даст отсидеться. Сказать себе «это не моя война». Как часто судьба ставит людей перед тем же выбором, что и героя рассказа «Гном». Моя ли это война? Пока мое сердце бьется, пока оно способно любить — моя. Один только миг — миг выбора, единственный и неповторимый...

«Есть только миг...». Тот самый, единственный. Что может любовь? Ничего — если замкнется в оболочку лихорадочной жажды счастья и только счастья для себя и только для себя, и гори все синим пламенем. Только в пламени этом сгорит и то, что было любовью. Что может любовь? Все — если способна отказаться даже от самой себя. Иногда для того, чтобы любовь осталась жива, она должна забыть о себе. Забыть — и пойти в бой за других. Потому что любовь всегда в бою, всегда в сражении с тем, что не есть она, ведь то, что не есть любовь, есть ненависть и смерть — в любых мирах и в любую эпоху.

Нужно ли называть по имени эпохи, о которых говорится в «Волчьем поле», повести, давшей название следующему разделу, разделу «исторического фэнтези»? Едва ли — они знакомы всем, кто хоть когда-то брал в руки учебник истории. Но все ли, отложив в сторону учебник, задумались о давно отгремевших битвах? О тех, кто просто хочет власти ценой лжи, ценой крови, ценой предательства, — и тех, кто выходит на бой, потому что иначе нельзя? И вместе с ними становятся те, кто прошел этой дорогой тысячелетия назад. Кто ушел, но остался. Знаменем. Памятью. Совестью. И о том, как прошлое подставляет плечо настоящему во имя будущего.

Чего ты хочешь, человек? Кто ты? За что сражаешься? Ответ на эти вопросы дают люди любой эпохи... нужно ли называть по имени Вечность?

А может, все-таки назвать вечность по имени, может, дать ей другое имя? «Сказание о том, как князь Милош судьбу испытывал» — о том, что имя Вечности неизменно. Можно переиграть судьбу заново, попытаться прожить другую жизнь... но судьба отступает побежденной, если и в этой другой жизни ты остаешься собой и не щадишь себя. Отдавшие себя побеждают судьбу. У судьбы много имен — а у Вечности только одно.

Каким оно будет, это имя? Какое имя может дать Вечности герой «Сказания о господре Владе и Ордена Дракона»? Белизна

ангельских крыл? Тьма преисподней? Алый ток живой крови? Где правда? Где ложь? Страшен и неоднозначен господарь Влад — страшен и неоднозначен его долг, страшна и неоднозначна эпоха, о которой вы прочитаете... какое имя вы дадите этой Вечности?

Долг. Всегда ли это однозначно и просто?

Следующий раздел сборника — именно о долге.

О солдатском долге повествует рассказ, давший название этому разделу, — *«Солдат»*. О том, что долг не перестает существовать, даже если кто-то считает иначе. Твой долг солдата — это ты сам.

Что важнее — подвиг или долг? Что важнее — приказ или долг? Что важнее — великая цель или долг? *«Восемь транспортов и танкер»*. История о том, как приказ все же был выполнен — и это стало подвигом. Но приказ был выполнен только потому, что был исполнен долг — полностью и до конца.

«Бой над Прохоровкой». Знакомое имя, иное время, иная реальность. Будущее, о котором не хочется думать, но не думать нельзя. Будущее, в котором история повторяется. И пусть не танки утюжат землю — флаеры рвут в клочья небо над Прохоровкой, но по-прежнему надо исполнить свой долг — продержаться, выстоять, не отступить. Потому что отступать по-прежнему некуда... И звенят в небе новой войны песни ТОЙ, единственной. И под них и с ними свершается невозможное. Это не «Вторая, поющая» из «Стариков», это их праправнуки, сгорая заживо, защищают родное небо, но врагам по-прежнему не пройти.

Рассказ *«Счастливчик»* вряд ли оставит кого-то равнодушным. Долго ли еще «командирские» часы будут отмерять время твоей удачи, лейтенант? Столько, сколько нужно, чтобы исполнить свой долг до конца. Долг русского моряка.

Это в сказках доспехи всегда непробиваемы, а меч-кладенец крушит врагов, не ломаясь. В реальной жизни летать нередко приходится на том, что подлежит списанию, а стрелять из того, что стрелять уже не может. Но долг не спрашивает, выдали ли тебе на складе сказочный меч. *«8 минут»*. Всего восемь минут, чтобы исполнить свой долг — без сказочного артефакта. Просто потому, что он должен быть исполнен.

Потому что иначе нельзя.

Именно этот выбор и совершает герой рассказа *«Дожить до победы»*, чье название дано следующему разделу. Выбор — остаться человеком и делать то, что должно, — потому что иначе нельзя. Что изменится от того, что один человек сделал свой выбор? Может быть, и ничего — потому что человек не изменил себе и своему внутреннему долгу. Может быть, именно его выбор встанет на пути лавины, которая изменит все — изменила бы страшно и непоправимо.

Не изменить себе, не изменить тому, что делает тебя человеком. Нет ни Бога, ни черта, которые помогли бы героям рассказа «*Старшина*» сделать свой выбор. Тот самый, единственно верный. Сделать выбор им помогает совсем, совсем другое...

И выбор не всегда доводится делать с винтовкой в руке, и не всегда перед тобой линия фронта. Не все сражения ведутся на войне — иные продолжаются в мирное время. Но если сдаться, отступить... как долго оно останется мирным? Отступить и солгать — или сказать правду, даже если ее не хотят слышать, еще и еще раз — чего бы это тебе ни стоило... Не всякий бой ведется с оружием в руке, но все-таки это бой. И герои рассказа «*Черный снег*» встают насмерть. Это не «Бабочка» Брэдбери, не случайность, не ошибка — это закон мироздания. Выбор, сделанный каждым из нас, падает на одни весы. То, что обитатели «хаты с краю» презрительно заклеят как «донкихотство» и глупость, спустя годы спасет их детей. Впрочем, они этого не узнают. И «донкихоты» не узнают, но им это и не важно. Они выбрали. Они дали шанс всем.

В рассказе «*Священное право на жизнь*» мы видим мир, который очень успешно притворяется безопасным. Именно из этого мира приходят завоеватели — так уверенные, что их право на жизнь священо. Приходят в отсталый мирок, которому, казалось бы, нечего им противопоставить. Что могут копья и мечи против космодесантников с бластерами? Что могут старик, двое воинов и мальчишка против напичканных смертью бронированных чудищ?

Казалось бы, ничего, но у них есть свое священное право. Право отдать свою жизнь ради того, чтобы остановить врага. Защитить, отстоять, спасти. Тысячи дорвавшихся до натурального кислорода колонизаторов и четверка безумцев? Смешно... Только кто будет смеяться последним? И будет ли?

Сборник, который вы сейчас открыли, неоднороден. В него вошли как дебютные рассказы и повести, так и произведения известных авторов, но их объединяет одно. Все они — о подвиге тех, кто взял в руки оружие, чтобы защитить свой дом, свою страну, свой мир. Или чужой, но ставший в этот миг своим. И пусть

От героев былых времен не осталось порой имен.

Те, кто приняли трудный бой, стали просто землей и травой.

Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых.

Этот вечный огонь нам завещан одним. Мы в груди храним...

Элеонора РАТКЕВИЧ

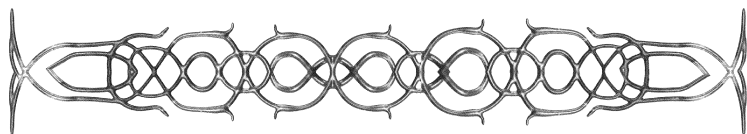
ЗАСЛОН

Не давалось с детства мальчонке
Фехтование боевое.
Как искусству учить ребенка,
Что не слышит музыки боя?
Не поймет малец, хоть убейте,
Как ударить, когда закрыться.
И наставник взялся за флейту,
Чтобы легче было учиться;
Чтобы ритм она задала
Всем ударам, шагам, движениям.
Как задорно флейта играла
На большом дворе оружейном!
Сколько лет с тех пор пролетело,
Дворик в замке сделался тесным;
Флейта в сердце у графа пела,
И клинок подхватывал песню.
Он немалых побед добился,
Так сбываются грезы детства;
Старый мастер, будь жив — гордился б
Первым воином королевства.
Верный долгу, словам, присяге,
Он иной не искал награды —
Лишь бы быть в любой передряге
Впереди своего отряда.
...Лес осенний в сыром тумане.
Старый мост. Колонные глыбы.
Он готов. Он все знал заранее;
Смерть сама совершает выбор.
— Эй вы, Первые, испугались?
Или честный бой не по вкусу?
Отчего же вы нынче взялись
За оружие детей и трусов?

Легким холодом в спину веет.
«Ты пришла? Подожди немного.
Стольких, скольких достать сумею,
Я с собой заберу в дорогу.
Подожди! Подержи нарциссы...»
Меч из ножен выйдет упруго.
Пусть увидят, как бьются крысы,
Когда их загоняют в угол!
— Обнажите же ятаганы!
В бой со мною вступить посмейте!
И в последний раз Алистану
В это утро запела флейта.
Сшибка... Щит под ударом треснет,
Снова встретится плоть с железом.
Слышишь музыку, слышишь песню?
Это флейта поет над лесом.
Звон в ушах, и ноги устали,
Цвет у крови темный и странный.
Но, встречаясь с вражеской сталью,
Вторил флейте клинок батарный.
Вновь взлетают руки с мечами.
Да, он знает: смертельна рана;
Но с досадой дернет плечами:
Не сейчас. Пока еще рано!»
Эта музыка все заполнит.
Тяжело... И не видно света...
Смерть, ты слышишь? Ты будешь помнить
Этот бой, эту песню флейты?

*Данила Филимонов.
Победитель конкурса «Наше дело правое»
в номинации «Поэзия».
Второй тур*

Сергей Раткевич

ЗАСПОН

ельзя нам отсюда отступать! — Мальчишка чуть не плакал.

— Ну так и не отступим, — пожал плечами огромный командир троллей.

— Не отступим?! Ты что, забыл все, что я вам объяснял?! Без стрелков нам эту позицию не удержать! — Вот теперь и слезы блеснули, мальчишка вытер их грязным кулаком и закончил: — А уходить нельзя. Уйдем — всех остальных погу-

бим.

— Мы не станем уходить. Мы останемся, — улыбнулся тролль, доставая и принимаясь точить свой огромный черный меч.

— Мне всегда удавалось придумать какой-нибудь выход... — почти прошептал мальчишка.

— Верно, — степенно кивнул тролль, не отрываясь от работы. — Именно поэтому мы и выбрали тебя полководцем.

— И вот я... всех вас подвел... — жалобно выдавил мальчишка.

— Прекрати, командир! — возмутился тролль. — Любому мастерству есть предел! Ты не бог, ты не можешь сотворить воинов из воздуха!

— Если бы только эльфы успели! — простонал мальчишка.

— На это рассчитывать не приходится, — вздохнул тролль.

Яркое солнце хорошо освещало приближающуюся армию врага.

Мы оба знаем, что это последняя битва.

Ты — потому что ты многоопытный боец, побывавший во многих сражениях воин, командир сотни лучших меченосцев-

троллей, что гордо именуют себя Дети Сумеречных Скал, от звука твоего имени дрожат враги, а от твоего яростного взгляда они теряют разум.

Я... Мне всего четырнадцать, но никто лучше меня не играет в «меч и магию», вы сами меня нашли, подобрав уличного мальчишку, талантливого ученика шулера, вы вознесли меня до полководца сводной армии, небывалой армии, где эльфы и тролли сражаются плечом к плечу с тем, что страстно жаждет обрушить мир, вы выбрали меня, потому что я всегда знаю, какой приказ отдать воинам, чтоб они вернулись с победой.

До сегодняшнего дня знал. А теперь мы оба знаем одно — это последняя битва. Мы не доживем до сумерек. Ночные звезды нас не разбудят. Костры не обогреют. Мне не придется ворчать, что среди твоих меченосцев половина девушек и что вы слишком рьяно предаетесь плотским утехам, забывая об осторожности, приличествующей воинам в походе. Ты в ответ не предложишь мне в шутку принять участие в ваших забавах. Ничего этого никогда уже не будет. Просто потому что эльфы не пришли. Не успели. Теперь уже не важно, почему так вышло. Их нет — и некому будет прикрыть вас ливнем стрел, а это значит, что нам не устоять. Без стрелков задача не решается.

Вот и все. И даже в плен сдаваться бесполезно. Враг, думается, хорошо помнит, как мы «сдались» в прошлый раз. Дважды на одни и те же грабли даже адепт Школы Высшего Разума не наступает. А полководец противника — вполне вменяемый черный маг. Не особо талантливый военачальник, но при таком перевесе сил таланта и не требуется. Просто иди вперед и плати. Плати десятком боевых драконов за одного полумертвого от усталости эльфа или тролля — и выиграешь. Если ресурсов хватит.

У этого — хватит. Хотя бы потому, что он — дурак и о завтрашнем дне совсем не думает. Он выиграет эту битву — и проиграет войну. Уже проиграл.

Вот только нас это не спасет. Ну не может сотня троллей удержать всю эту чудовищную громаду. Даже таких троллей, как Дети Сумеречных Скал. Лучших воинов на свете. Бесстрашных, могучих и — что редко для троллей! — мудрых.

И все-таки их всего сотня. Вот если бы еще сотня стрелков-эльфов. Так ведь и было задумано. Вот только они не пришли. Их нет.

Не смогли?

Не успели?

Предали?

Нет, только не предали! Танцующие С Луной не стали бы предавать.

И все-таки они не пришли.

Горный проход такой узкий. Под прикрытием стрелков сотня троллей смогла бы оборонять его долго. До заката — точно смогла бы. А больше не требуется. Другие отряды, посланные в обход, пройдут тайными горными тропами и обрушатся на врага со всех сторон. Небо потемнеет от эльфийских стрел. От могучего рева троллей содрогнутся скалы. Тогда уже враг будет искать спасения. И не найдет.

Вот только этого не случится. Эльфы не пришли. Не успели. Что-то их задержало? Неважно. Их нет. А без них...

Опрокинув троллей, враг вырвется из западни и вместе со всем своим войском войдет в Запретный Город. От этого города его отделяет лишь жалкая горстка защитников. Мы. Войдя в этот город, он обретет такое могущество, что ему и армия уже не понадобится. И тогда ему будет все равно, что он проиграл эту войну, потому что воевать он больше не будет. Он даже и убивать никого не станет. К чему Богам такие глупости? Он станет карать. И миловать. Именно это приличествует Богу, разве не так? Карать. Миловать. Вот только сохрани нас Смерть от его милостей, пуще всего на свете сохрани! А уж до его кар мы и сами как-нибудь не доживем. Уж постараемся.

Мы оба знаем, что это наша последняя битва, тролль. Что ж, по крайней мере нас не сомнут сразу. Ваши доблестные мечи не раз окрасятся вражеской кровью — и даже я успею кого-нибудь убить.

— Ничего, — усмехнулся тролль, и мальчишка вздрогнул. Там, под кожей тролля, по ту сторону кожи, будто бы солнышко восходит, Каменное Солнышко, про которое они иногда поют.

— Ничего, командир, — повторил тролль. — И так ведь ясно, что умирать. А только... тролли, знаешь ли, не отступают. И в плен не сдаются. Мы этого просто не умеем.

— Не устоять нам, — безнадежно вздохнул малолетний полководец. — Не продержимся до заката — считай, все зря. А мы не продержимся.

— Устоим, командир, — подмигнул тролль. — Продержимся. Вот это я тебе точно обещаю.

— До заката?

— До заката.

— Как?!

— Есть один способ, командир. Вот только...

— Что?

— Он — для троллей, командир. Он *только* для троллей, понимаешь? Так что ты... ну... будь уж добр — не суйся под ноги. Останься позади нас, ладно?

— Вам, пожалуй, сунешься под ноги, — проворчал полководец и шмыгнул носом. — Сам не заметишь, как в блин превратишься.

— Что ты, командир, превращать в какой-то дурацкий блин человека с такими мозгами, как у тебя, — да Бабушка Битвы нас живьем сожрет и как звали не спросит! Так и уйдем к предкам — безмянными! — Троль потряс головой в наполовину шутивым суеверном ужасе и поднялся: — Пойду своих к драке готовить.

Подготовка троллей «к драке» всегда заключалась в одном и том же: они точили мечи, а потом, если оставалось время, — занимались любовью, нисколько не стесняясь посторонних.

«Воину не до стыдливости перед боем!» — говорила их словица.

Что ж, и вправду не до стыдливости, тем более что бой, как ни крути — последний.

Мальчишка не смотрел на них. Впервые за все это время он — лишний. Он ничего не может придумать. Ему нечего приказывать. Заслон должен стоять столько, сколько возможно. И все. Никакого выхода. Только стремительные удары меча. Отчаянные. Яростные. Безнадежные. Тролли не собираются отступать. Они будут драться, а он — ждать. Ждать, когда его гордые воины лягут мертвыми под ноги врага. Тогда и только тогда ему позволено будет выхватить свой бесполезный меч и нанести ни к чему не ведущий и, увы, скорей всего единственный удар. А потом он умрет. Отправится вслед за своими воинами. Хорошо бы дотянуть до заката. Хорошо бы, чтоб все не зря. Хорошо бы прихватить с собой хоть кого-нибудь. Ну хоть кого-то. Хотя если противник сразу двинет драконов...

Мальчишка не смотрел на троллей. Он смотрел туда, где скапливалось вражеское войско. Где строились для решающего удара люди и маги, эльфы и тролли, драконы и гоблины, орки и чудовища.

По старой привычке полководца, который должен командовать сражением, мальчишка забрался на высокую скалу, откуда все хорошо было видно. На сей раз это безразлично, но полководец должен видеть, как гибнут его воины. Гибнут, потому что он не нашел выхода, не придумал, как их спасти.

Он мог удрать в скалы, спрятаться, просто сбежать, но... когда все закончится, когда последний его тролль упадет под ударами вражьих мечей, он спустится вниз и встретит свою смерть так, как и подобает мужчине. С мечом в руке и улыбкой на губах.

Враг начал с магической атаки. Сотни огненных шаров взлетели в воздух, прочертив небо дымными полосами, и упали в песок, на несколько шагов не долетев до строящихся на битву троллей.

— Недолет, — прокомментировал командир троллей, и его огромный меч описал в воздухе сверкающую черную дугу.

Вражеские чародеи сотворили очередное заклятье. На сей раз магические шары были ледяными. С тугим свистом прорезав воздух, они вдребезги разбились о скалу далеко за спиной отряда.

— Перелет, — поморщился командир троллей, и его меч описал еще одну дугу. — Да что они там, совсем стрелять разучились, что ли?!

Сотня троллей встала плечом к плечу, перекрывая горный проход, и мальчишка, как всегда, залюбовался своими воинами. Это только кажется, что такие огромные создания не могут быть красивы. Невероятная текучая грация, неукротимая энергия, мерная размашистая мощь, спокойное и неостановимое движение... Мальчишка не знал ничего красивее отряда наступающих троллей. Даже фантастически прекрасные эльфы немного недотягивали. Впрочем, сегодня наступать им не придется.

Мальчишка вполне отдавал себе отчет, что он видит своих троллей в последний раз. Впрочем, самого себя он тоже видит в последний раз, сейчас от бесцельного метания льда враг перейдет к активным действиям и...

Перешел! Он не стал размениваться на пробные атаки. Просто все его воинство медленно двинулось вперед. И в самом деле — ну что такое какая-то там сотня троллей?! Стоит ли считать их — нет, не серьезным противником, а вообще противником как таковым? Достойны ли они битвы? Вот еще! Нет,

конечно! Двигаясь естественным образом, столь могучая армия сметет их сама собой, даже не заметив этого!

Вражеская армия наползала медленно и неотвратно. Она надвигалась под мерный рокот барабанов. В ее передних рядах вышагивали тролли, вооруженные боевыми молотами. Тролли, очень похожие на тех, что готовились принять последний бой... вот только это были чужие тролли, усиленные черной магией и ею же одурманенные, они ничего не боялись и не брали пленных, поверженным они без рассуждений перегрызали горло острыми, вовсе даже не тролльими зубами.

— Волынщик! — возгласил командир Детей Сумеречных Скал.

— Да, командир! — откликнулся тролль-музыкант.

— Нашу!

Пронзительно и дико взывала волынка, еще миг — и тролли хором подхватили свой боевой гимн. Песню любви и смерти, как они сами ее называли. Впервые услышав ее перевод, мальчишка был потрясен. Идя в битву, его тролли пели любовную песню, местами даже непристойную. Умирая от ран, задыхаясь от усталости, окруженные превосходящими силами врагов, они старательно и с восторгом до последнего вздоха истово хрипели и рычали эту свою песню. Умирая, тролли превращались в то, из чего когда-то и произошли, — в камни, — но даже камни долго еще содрогались от яростных попыток выкричать, дохрипеть последний куплет.

Вот и сейчас. Пронзительная и дикая, грубая и прекрасная, непристойная и возвышенная, она... нет, она не взлетела в поднебесье, как птица, подобно песням эльфов, — нет, она прокатилась по земле, как вода, как водяной поток, внезапно обрушившийся с гор, как тяжкая дрожь земли, как медленно шагающая гроза.

Даже одурманенные темной магией враги приостановились, словно бы мощь этой песни на краткий миг пересилила движущую ими злую волю. Но марево темных заклятий сгустилось и погнало их дальше.

— Смертная Стена! — прорычал командир троллей.

И в тот же миг Дети Сумеречных Скал запели еще громче и куда ниже обычного. Их пение окончательно превратилось в рычание, слова угадывались уже с трудом.

— Дураки! — на миг останавливаясь, с досадой заревел ко-

мандир вражеских троллей. — Зачем это вам? Переходите на нашу сторону!

— Мы на правильной стороне, ублюдок! Сдохни! — донеслось в ответ.

Заревев от ярости, вражьи тролли бросились в атаку. Дети Сумеречных Скал продолжали петь. Их черные мечи ярко блеснули в свете солнца. А сами они... Мальчишка вгляделся и охнул.

Их тела слабо светились. Даже при таком ярком солнце это было хорошо видно. А еще... они медленно превращались в одно целое. Их тела как бы таяли по краям, проникая друг в друга. Каждое грохочущее слово песни словно бы усиливало этот невероятный процесс.

«Смертная Стена! — вспомнил мальчишка. — Есть один способ, командир... Он — для троллей... Он только для троллей...»

И слезы, недостойные великого полководца сводной армии троллей и эльфов, так и брызнули из глаз.

«Так вот что ты имел в виду, тролль! Стать живым щитом, каменной преградой, крепостной стеной... Живым?! Вот уж нет. Раз они превращаются в камень... значит, они умирают. Песня уводит их за собой. Так вот почему они ее всегда поют. Она волшебная!

И она их убивает.

Превращает в стену.

Каменную стену высотой в одного тролля.

На сколько времени задержит врага такая стена? Не знаю. Полагаю, что ненадолго. Какая же я сволочь, они там умирают за то, чтоб я еще несколько мгновений мог смотреть на белый свет, а я тут сижу и рассуждаю о том, насколько полезна их смерть!»

Вражеские тролли добрались наконец до того, во что превращали себя Дети Сумеречных Скал, но их молоты с грохотом отскочили от неяркого сияния, окружающего поющих. Эльфы бы сказали, что молоты отскочили от песни... проклятые, навсегда опоздавшие эльфы!

Ответный взмах черных мечей был стремительным и неодолимым. Вся Смертная Стена ударила в единый миг, слитным и страшным движением. Темная магия не смогла или не захотела защитить вражьи троллей от черной стали. Первый ряд нападавших погиб практически полностью. Командир

вражьих троллей изрыгал яростные проклятия, зажимая рану в плече.

«Они сейчас тоже окаменеют, раз мертвые. Груда здоровенных камней под стеной — плохо, — подумалось мальчишке-полководцу. — С одного легко забраться на другое. Впрочем, если мои успеют нагромоздить рядом с собой еще одну стену, тогда тут вообще никто не пройдет. Никогда».

Что-то тяжело качнулось в воздухе. Пронзительный солнечный свет пробуравили крылатые черные твари.

«Драконы! — с отчаяньем подумал мальчишка. — Я совсем забыл о драконах!»

«Что ж, зато я не останусь единственным выжившим! Со мной не случится такого позора!» — тут же подумал он.

Драконы летели куда выше Смертной Стены, с явным намерением преодолеть ее — но, едва оказавшись над ней, они словно ткнулись с размаху в незримую преграду. Ткнулись и с испуганным ревом посыпались вниз.

«Дождь из драконов!» — мелькнуло в голове мальчишки.

Еще один ряд вражьих троллей пополнил собой груду холодных камней. Их крикливый командир не уберег свою голову, черный меч с маху отсек ее; взлетев по высокой дуге и на лету каменея, она унеслась куда-то в задние ряды вражьей армии и кого-то там вроде бы даже убила. Во всяком случае, после удара он не поднялся. Дети Сумеречных Скал, уже окончательно превратившиеся в стену, продолжали петь, их мечи раз за разом взлетали вверх, беспощадно и метко разя врага. Это было невероятно и страшно — смотреть, как поет и сражается каменная стена.

Незримое Каменное Солнышко медленно восходило в небо.

Ряды вражьих троллей разомкнулись, и вперед выступили эльфы-лучники — такие же, как и тролли, предавшиеся темному колдовству и посулам дармового могущества мерзавцы. Ливень стрел — стрел, заговоренных против троллей, — серым дождем ударил по Детям Сумеречных Скал, и черные мечи не смогли, не успели отразить все стрелы. Грохочущая песнь покачнулась, в ней послышалась надрывная ярость умирания.

— Ну, кто хочет умереть?! — страшно прошептала Смертная Стена единым, не различимым на голоса шептанием. — Идите ко мне! Я обниму вас...

Но эльфы и не думали подходить. Они посылали стрелу за

стрелой, словно темная магия сделала их колчаны неопустошаемыми, а стрелы нескончаемыми. Могучая песня звучала, последним усилием опускаясь еще ниже, еще ближе к леденящему ужасу — а потом каменеющие руки Детей Сумеречных Скал одновременно метнули в стреляющих эльфов врага свои черные мечи. И ни один меч не пропал зря.

Пение троллей смолкло. Эльфийские стрелы еще долго разбивались об остывающий камень.

Мальчишка рыдал, ухватившись за рукоять меча и повторяя все те нехорошие слова, которым научили его тролли. А потом спустился со скалы и выхватил меч. Ярко светило солнце, до вечера было еще страшно далеко, и нужно было поторопиться умереть. Нельзя отставать от друзей. Особенно если ты и без того самый маленький. Попробуй, угонись за их широким шагом...

В двух шагах от готовящегося умереть полководца звонким серебром вспыхнул магический портал.

«Вот и все. Через этот портал пройдет вся вражеская армия, — подумал мальчишка. — Все было зря. Все».

И вздрогнул.

Из серебристого портала посыпались его собственные эльфы!

Они все-таки пришли.

— Мы успели?! — выкрикнул их командир, выдергивая стрелу из наполовину пустого колчана.

И осекся, увидев слезы в глазах своего полководца.

— Опоздали? — с отчаяньем шепнул он.

— Не пришли... — вытолкнули помертвевшие губы мальчишки.

«Да они же из битвы пришли, ты что, не видишь?» — кричал кто-то в его голове. И кто-то другой ответил: «Не вижу, не могу видеть, слезы мешают».

«Они раненые, измученные, им тяжело пришлось, посмотри, ты же их командир!» — настаивал первый голос. «Они живы, — ответил второй. — Сегодня имеет значение только это».

— Не... пришли... — мертвым голосом повторил эльф.

Он оглянулся — и замер, узрев Смертную Стену. Один за другим эльфы оборачивались в ту сторону — и шум, вызван-

ный их появлением, сменяло полное молчание. Такое полное, что казалось, весь мир умер вместе с погибшими троллями.

Потом раздался тихий звук. Эльфы плакали — все как один. Плакали и готовили луки — несколько кратких мгновений. А потом эльфийский боевой гимн взлетел той самой птицей, которой так недоставало все это время. Птицей, которая одна только и могла прикрыть распахнутыми крыльями сражающихся меченосцев. Яростно голося, эльфы бросились вперед, и... у мальчишки захватило дыхание, потому что эльфы легко, как по ровному месту, взбежали вверх по Смертной Стене. И отбрасывавшая врагов гибельная стена приняла друзей.

Безмерное надругательство, невысказанное кощунство — пройти по телам мертвых, наступить на своих погибших боевых товарищей... но и вправду ли это так? Есть минуты, когда надругательством и кощунством было бы не сделать этого. Когда по телам погибших товарищей идут в атаку — чтобы их гибель не оказалась напрасной. Когда поступить иначе — это и значит совершить надругательство, предать...

Смертная Стена приняла тех, кто не предал.

Вражеские эльфы завопили от ужаса, когда яростные стрелы сородичей нашли их. А потом бросились прочь, прячась за спины троллей. Тем эльфийские стрелы тоже не пришлось по вкусу, и они медленно пятились, прикрываясь тяжелыми щитами. То тут, то там эльфийская стрела пронзала щит насквозь, и очередной вражеский тролль падал замертво. Почти все эльфы заговаривают свои стрелы против троллей — и Танцующие С Луной не были исключением.

Ругаясь и плача, мальчишка вновь полез на свою скалу.

«Полководец не смеет жить, потеряв всех своих воинов и проиграв битву, — но полководец не смеет умирать, пока бой не закончен».

— Где ж вы раньше-то были?! — шептал он сквозь слезы. — Ну где?!

Забравшись на скалу, он обнаружил, что вражеская армия медленно пятится под яростным напором эльфов. Вражеские маги попытались метать в эльфов огненные шары — но эльфы ответили магией на магию, испепелив несколько вражеских магов бледными лунными молниями.

Враг отступил, перестраиваясь для нового удара. На земле перед Смертной Стеной корчились умирающие драконы.

Эльфийский боевой гимн хищной птицей реял в небе.

«Ну что, получили, да?! Получили?!» — Губы мальчишки кривила недетская злая мстительная улыбка, от нее даже слезы куда-то делись.

Эльфы допели свой боевой гимн и попрыгали со Смертной Стены наружу, в сторону перестраивающихся врагов.

— Кретины! — простонал мальчишка-полководец. — Что они творят?! Зачем?! Стену надо держать! Стену!

— Эй!!! — заорал он во весь голос.

Далеко. Не слышат.

Далеко?! Да нет, не слишком.

Не слышат?! Эльфы должны бы услышать.

Ветер, что ли, все звуки относит? Вражки маги стараются? Или это горе Танцующим уши заложило? И куда их несет, сумасшедших?!

— Почему они никого ко мне не пришлют? — горестно воскликнул он. — Забыли?!

«Если армия забывает о полководце, полководец сам должен напомнить о себе. И побыстрее, пока не стало поздно!»

Ругая на чем свет стоит придурочных остроухих, он вновь полез со скалы, торопясь, в кровь раздирая руки и колени, под конец не удержался и рухнул — хорошо хоть, невысоко уже было, но треснулся изрядно — тут же вскочил и, прихрамывая, побежал вперед.

Вернуть.

Остановить.

Успеть.

Уже подбежав к Смертной Стене, он вдруг сообразил:

«Это легконогие эльфы куда хочешь заберутся — а я как?! Попробовать сделать как они?! Ох и грохнусь же!»

Однако выхода не было, и он с отчаяньем и яростью бросился вперед.

И легко взбежал, не хуже эльфа. Уже взбегая, понял, что дело вовсе не в фантастической ловкости эльфов. Просто когда его тело потянуло назад, к земле, незримые каменные руки подхватили его, бережно подталкивая вверх, не давая упасть. Он представил себе, как множество этих незримых рук наносит одновременный страшный удар подлетающим драконам, вдребезги разбивая могучие бронированные тела, а потом помогает взбежать эльфам, теперь вот — ему...

— Я потом о вас еще поплачу, ладно? — борясь со слезами, прошептал он. — Вот мы их всех убьем — и поплачу!

«Не о чем плакать, — дрожью отозвалась каменная плоть под ногами. — Не строй из себя эльфа. Просто убей их всех! Убей — и тогда вместе посмеемся! Ты еще не видел, как смеются камни?»

Эльф-лютник стоял, глядя на могучую каменную стену. Это было все, что осталось от его боевых товарищей. А тролли были настоящими товарищами. Хоть и раздражали его невероятно.

Большие, грубые, глупые, начисто лишенные утонченности, страдающие чудовищным отсутствием вкуса, шумные, хвастливые, злые на язык, ехидные, нахально-насмешливые... а еще пели они просто ужасно. Как можно жить с такими головами? Просто искажение естества какое-то!

Таких потрясающих друзей у него никогда не было. И уже никогда не будет. Больших, грубых, глупых...

Эльф посмотрел на лютника в своей руке и удивился: зачем она ему?

Разве она поможет ему сыграть то, что он сейчас чувствует?

Разве ее нежный голос способен передать то страшное, хриплое рыдание, что куском ржавого железа застряло у него в груди?

Разве она поможет ему выдохнуть ярость, от которой темнеет в глазах?

Разве...

Он услышал странный плачущий звук.

Это была волынка. Та самая, знаменитая волынка троллей, от которой эльфы, как от заразной болезни, шарахались, с ужасом зажимая уши. Та самая, которую они то и дело грозились уничтожить. Ее хозяин каменел, вставая плечами в каменные плечи своих товарищей, и пальцы, ставшие камнем, не удержали волынки.

Волынка.

Она упала совсем рядом с ним. Эльф поднял голову и увидел тролля-волынщика. Он словно бы еще не совсем закаменел, на каменном лице горели пугающе живые глаза. Они глядели на эльфа.

— Что?! — хрипло прошептал эльф, словно бы враз сорвал голос, словно бы вдруг превратился в тролля. — Что?!

А потом понял.

Он молча повесил свою бесполезную лютню на каменную руку тролля и поднял волынку.

— Что вы делаете?! — возопил мальчишка, подбегая к эльфам. — Вернитесь на стену!

Командир эльфов покачал головой.

— Это был наш последний Танец. Танцующих С Луной больше нет.

— Как?! — ошарашенно выдохнул мальчишка-полководец, косясь то на выстраивающиеся для наступления вражеские ряды, то на своих эльфов у подножия Смертной Стены.

— Мы не совершили должного, а тролли совершили невозможное, — ответил командир Танцующих с Луной. — Это они должны жить, а мы — умереть.

— Они уже умерли! — со злой горечью, чувствуя, как вновь подступают слезы, выпалил мальчишка.

— Мы намерены изменить это прискорбное положение вещей, — чопорно объявил командир эльфов.

Мальчишка вытаращился на него так, словно у того вторая голова выросла. Этот тон... что это с ним?!

— Я... нарочно так говорю, — жалко улыбнулся эльф. — Чтоб не зарыдать снова. Потому что нельзя больше. Рыдающий командир — это сущее безобразие, верно?

— Верно, — ответил полководец сводной армии и разрыдался.

Смертная Стена все еще мерцает, светится. Дети Сумеречных Скал еще здесь. Если касаться мерцания особым образом, то оно остается на кончиках пальцев. Эй, тролли, вы же понимаете, что мы делаем?! Смотрите, вот они мы. И мы не пытаемся украсть вашу славу. Мы отдаем вам себя.

— Сокровенное Слово! — встав на колени, отчаянно просил командир эльфов. — Ну... ваш тайный девиз! Ты же понимаешь, о чем я!

Командир троллей еще не вовсе закаменел:

— Вставьте им всем! — ухмыльнулся он, и трещины побежали по его лицу. — Вставьте им всем! Это и есть наш тайный девиз и наше секретное слово. Вот только мы его никогда ни от кого не скрывали. Вставьте этим сукиным детям — и я поверю, что вы — это мы! — прохрипел он из последних сил, и из его каменного рта потек песок. Каменные глаза потухли.

Эльфы стояли молча, и только странное сияние, окружавшее Смертную Стену, разгоралось, охватывая их тела. Они теперь сияли тем же светом, что и окаменевшие тролли.

И внезапно горько и страшно зарыдала волынка. Она рыдала так горько и страшно, словно никого на всей земле не осталось. А потом пришла песня. Такой знакомый мотив. Эльфы всегда над ним смеялись. Грубая, неуклюжая песня. Для троллей — в самый раз.

Для троллей.

Эльфы не смеялись. Они плакали. А потом запели. Песню троллей. Ту самую. Хриплыми, грубыми голосами, так не похожими на их собственные.

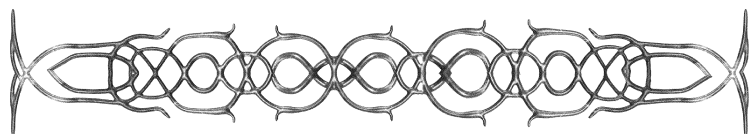
Ошалевший от всего происходящего, сбитый с толку мальчишка-полководец стоял молча, глядя, как его последние воины, бросая свои смертоносные эльфийские луки, бросая, как что-то никчемное, что непонятно как и в руках-то оказалось, направляются в сторону противника.

Эльфы сошли с ума. Это все, что он понимал. А что тут еще понимать-то было? Тяжело рокотали вражьи барабаны. Близилась развязка. А до заката было еще далеко.

Эльфы шли, бросив луки, шли навстречу врагу, в их звонких голосах тяжело, словно весло в руках невольника, ворочалась грубая и яростная песня троллей, песня о любви и бесстрашии, о победе и смерти, та самая песня.

Мальчишке казалось, что эльфы привязали к своим головам мельничные жернова и теперь с большим трудом тащат их за собой. Он вздрогнул, узрев, как страшно вдруг отяжелела их легкая походка. Как под их грузным размашистым шагом покорно прогибается земля.

Громче взревела волынка, каждым следующим звуком сползая вниз, все вниз и вниз, ниже, еще ниже, еще ближе к мрачному реву и грохоту разбуженной земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

ЗАСЛОН

Сергей Раткевич. ЗАСЛОН 17
Мария Микаэлян. КИПРЕЙ. 37
Алексей Гридин. РУБЕЖ. 54
Кира Непочатова. АЛА ТАНЦУЕТ 79
Павел Журенко. УХОДЯ, ОГЛЯНИСЬ..... 86

ОБЛИЧИЯ ЛЮБВИ

Элеонора Раткевич. ОБЛИЧИЯ ЛЮБВИ 105
Александра Павлова. «ПОКА МЫ ПОД СЕРДЦЕМ
ЛЮБОВЬ ЭТУ НОСИМ, ВСЕ СТАВЯ НА КАРТУ...». 132
Дмитрий Рой. ГНОМ 149
Елена Белильщикова. ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ... 167

ВОЛЧЬЕ ПОЛЕ

Ник Перумов *Вера Камша.* ВОЛЧЬЕ ПОЛЕ 189
Вук Задунайский. СКАЗАНИЕ О ТОМ,
КАК КНЯЗЬ МИЛОШ СУДЬБУ ИСПЫТЫВАЛ 368
Вук Задунайский. СКАЗАНИЕ О ГОСПОДАРЕ ВЛАДЕ
И ОРДЕНЕ ДРАКОНА 403

СОЛДАТ

Владимир Березин. ВОСЕМЬ ТРАНСПОРТОВ И ТАНКЕР. 449
Сергей Котов. СЧАСТЛИВЧИК. 462
Дмитрий Дзыговбродский. БОЙ НАД ПРОХОРОВКОЙ 487
Николай Коломиец. 8 МИНУТ 504
Дмитрий Жуков. СОЛДАТ 515

ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ

<i>Сергей Раткевич.</i> СТАРШИНА	527
<i>Алексей Гридин.</i> ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ	530
<i>Юрий Максимов.</i> ЧЕРНЫЙ СНЕГ	544
<i>Максим Степовой.</i> СВЯЩЕННОЕ ПРАВО НА ЖИЗНЬ	563
<i>Н. Перумов, В. Камша, Э. и С. Раткевич, Вук Задунайский.</i> НОЕВ КОВЧЕГ ПОСТРОИЛ ДИЛЕТАНТ. ПРОФЕССИОНАЛЫ ПОСТРОИЛИ «ТИТАНИК».....	597